

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/55/13

А.В. Косарев

ВТОРОЙ ЭТАП ТВОРЧЕСТВА Р. БЕРНСТАЙНА КАК КРИТИЧЕСКИЙ НЕОПРАГМАТИЗМ¹

Рассматриваются этапы творчества одного из основоположников неопрагматизма, Р. Бернштейна, эволюция его взглядов, существенных для понимания современниками содержания «нового» прагматизма и оформления его в качестве философского направления. Исследование воззрений Р. Бернштейна позволяет утверждать, что основополагающие базовые элементы неопрагматизма, такие как антифундаментализм, плюрализм и коммуницирующее сообщество, формируются Бернштейном в продуктивных дискуссиях с континентальной философией, а сам XX век, по мнению известного ученого, необходимо характеризовать как «век прагматизма».

Ключевые слова: неопрагматизм, Р. Бернштейн, объективизм, релятивизм, антифундаментализм.

Современная американская философия немыслима без прагматистских тенденций и в существенной степени определяется ими. Новый период расцвета прагматизма во 2-й половине XX в., после почти 20-летнего упадка, связывают с именем Ричарда Рорти. За интерес к континентальной философии и ее популяризацию в США, за нежелание считать науку привилегированной формой исследования, а также за отказ от истины как точного отражения мира американские коллеги стали считать взгляды Р. Рорти циничными, нигилистическими и безответственными, а его самого – предателем и провокатором [1]. Как отмечает В.В. Целищев, «граница между двумя типами философствования (аналитической и континентальной философией. – А.К.) почти непреодолима», однако Р. Рорти удалось обозначить пути решения этой задачи так, что он «с позиции „бывшего“ аналитического философа объяснил, как соединить несоединимое» [2]. Нередко в литературе можно встретить точку зрения, что философия Рорти – это тупиковая для американской философии ветвь, но именно попытки соединения двух радикально различных философских традиций обусловили возрождение прагматизма в те годы, когда аналитическая философия была еще крайне влиятельной, и Рорти был одним из тех, кто заложил и определил его преимущества в современной форме [3. Р. 5]. Нет сомнений, что представители современного неопрагматизма являются прямыми наследниками Р. Рорти. Оценка «нового» неопрагматизма Дж. Марголиса и Р. Бернштейна позволяет понять механизм трансформации концептуальных схем на стыке двух противоречивых дискурсов, а моделью их совмещения могут считаться методы риторического поворота.

Р. Бернштейн стремится развенчать миф о доминирующем статусе аналитической философии в американском интеллектуальном пространстве, но, по его мнению, именно она способствовала возрождению прагматизма в новом

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 19-011-00437 «Неопрагматизм в философии науки: релятивизм и риторический поворот»).

облике [4. С. 154]. Если Р. Рорти обозначает философскую ситуацию в XX в. через смену трех поворотов – лингвистического, интерпретативного и риторического, то для Р. Бернстайна весь XX в. фактически является «веком прагматизма» [5]. Нет смысла, считает он, выделять аналитическое или континентальное направление в философии, а также отдельно говорить о прагматизме, поскольку все три имеют дело с общими прагматистскими темами, характеризующими «прагматистский поворот» [6. Р. 22.]¹. Однако к этой позиции Бернстайн пришел только к третьему периоду своего творчества, в 90-е гг. XX в., обратившись к актуальным прагматистским дискуссиям. К этому времени он прошел долгий творческий путь от строгих историко-философских исследований классического прагматизма в 60-е гг. через глубокую приверженность концепциям континентальной философии и их критическую оценку в 70–80-е гг. XX в. в стремлении понять место и роль прагматизма среди других, по преимуществу европейских, философских направлений.

Ричард Джейкоб Бернстайн (род. в 1932) наряду с Р. Рорти является наиболее влиятельным популяризатором прагматизма. Свои шаги на научном поприще он начал с серьезного изучения трудов Дж. Дьюи в Йельском университете. В Йеле продолжилась его дружба с Р. Рорти, с которым Бернстайн познакомился еще в Чикагском университете, где получал степень бакалавра. В годы учебы в Йеле Бернстайн увлекся Гегелем, что оказало значительное влияние на его дальнейшее творчество. Там же он познакомился с Уилфридом Селларсом, привившим ему не просто культуру историко-философской работы (Йельский университет во 2-й половине 1950-х гг. все еще придерживался классических историко-философских тем в исследованиях, слабо реагируя на крайне модные в то время тренды логического эмпирицизма), но и умение прилагать к ней инструментарий аналитической философии².

Первый период творчества Бернстайна приходится на 60-е гг. прошлого столетия и посвящен изучению классического прагматизма. Его книга «Джон Дьюи» (1966), выдержанная в классическом историко-философском ключе, неоднократно переиздавалась в США и до сих пор является хрестоматийной, служа классическим обзором воззрений Дьюи [8]. В книге «Perspectives on Peirce» (1965), где он выступает как редактор, в главе «Action, Conduct, and Self-Control» Бернстайн анализирует концепцию индивидуального у Ч.С. Пирса и настаивает на некорректности ее привычной интерпретации. Согласно Пирсу, ошибки и незнание не являются исключительными следствиями индивидуального, поскольку оно не существует в чистом виде, а должно рассматриваться в контексте совместного характера (со)общества и индивида [7. Р. 219]. Понятия действия и поведения, вынесенные в заглавие, в следующий период станут для Бернстайна ключевыми, как и внимание к социальному.

Второй этап творчества Бернстайна более значим для понимания климата, в котором возникал и развивался неопрагматизм. В течение этого периода актуализируются вопросы понимания роли и места прагматизма в философии, и эти взгляды окажут существенное влияние на последующее развитие направления. Данный этап приходится на 70–80-е гг. прошлого столетия. Большинство написанных в этот период работ носит не столько историко-

¹ Подробно о темах мы писали в: [4. С. 157–159].

² Биографические сведения о Р. Бернстайне излагаются по: [7. Р. 217–223].

философский, сколько критический характер. В первой работе данного периода, «Праксис и действие» (1971) [9], Бернштейн разворачивает свое понимание концепции действия. Название работы несколько тавтологично, и сам Бернштейн осознает этот факт, однако говорит, что даже если название кому-то покажется избыточным или дублирующим, это дублирование преднамеренно. Во введении к книге он разъясняет значение термина «праксис» в аристотелевском смысле, понимая его как стиль жизни свободного человека и осуществление им определенной деятельности в этической и политической жизни [Ibid. P. xiv]. Бернштейн напоминает, что различия между *теоретическим* и *практическим* в античности имели несколько иное значение, чем сегодня. Понятие *теория* означало созерцательную жизнь, тогда как *праксис* – деятельную активность в политической или этической жизни полиса. Сегодня мы смешиваем два значения – практический и практичный. Бернштейн хочет вернуться назад, к старому значению «практического разума» как подлинной человеческой деятельности, которая реализуется в жизни *полиса*. Если сопоставлять понятия *праксиса* и *действия (action)*, то можно увидеть интересную зависимость: ключевым для понимания Маркса и гуманистических интерпретаций марксизма оказалось понятие *праксиса*, тогда как понятие действия приобрело те же самые значения, но в совершенно ином контексте – в аналитической философии. *Действие* в указанном контексте означает сложную сеть взаимосвязанных проблем в понимании «намерения», «мотива», «целей», «причин» и «телеологического объяснения», которые, как отмечает Бернштейн, доминировали в аналитических исследованиях двух предшествовавших десятилетий [Ibid. P. xvi]. Ирония заключается в том, что, несмотря на близость этих двух понятий в двух различных традициях, в философской литературе их связь почти не рассматривалась в силу диаметрального расхождения континентальной и аналитической философии и убежденности в их «несоизмеримости». Поэтому Бернштейн видит свою задачу в том, чтобы если не отождествить их значения, то хотя бы показать важность и полезность знания о содержании и значении этих концепций. По сути, Бернштейн осуществляет импорт европейских философских понятий в американскую философию в надежде синтезировать, примирить эти две традиции или хотя бы заставить их лучше узнать друг друга.

Значение понятия «деятельность» Бернштейн прослеживает начиная с Маркса вплоть до дискуссий, которые развиваются в экзистенциализме, прагматизме и аналитической философии, придерживаясь критического изложения материала и отмечая, что каждое из этих направлений не лишено недостатков в их понимании социальной практики и действия. Экзистенциализм Кьеркегора и Сартра, с одной стороны, инициирует широкий интерес к вопросам субъективности, но, с другой стороны, этот же аспект неизбежно ведет к солипсизму и нигилизму. Аналитическая философия в ее позитивном аспекте обращает внимание на необходимость ясности и устанавливает критерии для выявления псевдонаучных теорий и ошибочного онтологического базиса в учениях предшествовавших ей периодов. Однако ее априоризм, трактовка истин логики и математики как априорных и не имеющих дела с информацией о мире претендует на окончательное решение всех возможных философских проблем, а интерес исключительно к формальным преобразованиям предложений языка науки существенно сужает область ее философ-

ского применения. Такой сциентистской ориентации аналитиков Бернштейн не разделяет. Наконец, марксизм, хотя и обеспечил прорыв в понимании социальной природы человеческой субъективности, в итоге фактически переживает в политическую риторику и тем самым входит в явное противоречие с прагматизмом. Как видно, одна из главных задач Бернштейна в этих рассуждениях заключается в том, чтобы не просто показать значимость и содержание американской и европейской философии в их сопоставлении, но и найти те стороны в них, которые сближают их с прагматизмом или, напротив, не согласуются с ним.

В работе «Перестраивание социальной и политической теории» (1976) [10] Бернштейн вновь использует критический подход. На этот раз в фокусе его интересов оказывается понимание действия в контексте учений логического эмпиризма, анализа языка, феноменологии и критической теории. Здесь круг интересов Бернштейна ограничивается интенциональностью. Он полагает, что интенциональность в описании и объяснении человеческих действий не может быть сведена к методологии естественных наук, как это стремится представить аналитическая философия. Феноменология привлекает Бернштейна тем, насколько хорошо в ней сформулированы суть и проблема интенциональности, но само это направление, по его мнению, несовместимо с другими континентальными философскими течениями. В частности, с концепциями критической теории, которая считает, что наши интенции – это продукт неких внешних по отношению к нам сил. С точки зрения Бернштейна, критическая теория также не преуспела в понимании и описании человеческих действий, в поиске надежных оснований для них, поскольку, как и аналитическая философия, уходит в своих концепциях в априоризм.

Наконец, еще одна значимая для понимания прагматистской позиции Бернштейна книга – «За пределами объективизма и релятивизма: наука, герменевтика и праксис» (1983) [11]. Она фактически является результирующей в отношении второго периода его творчества и неслучайно содержит посвящение «Четырем друзьям». Один из них – Р. Рорти, и практически каждая ее страница звучит как диалог с ним. Помимо Рорти книга посвящена Ханне Арендт, Хансу-Георгу Гадамеру и Юргену Хабермасу – дань приверженности автора континентальной философии.

Бернштейн вновь прибегает к критическому методу противопоставления разных направлений, выявляя как их позитивные, так и негативные стороны и максимально снимая противоречия. На этот раз он обращается к ключевым понятиям прагматистских учений и дискуссий – объективизму и релятивизму, рассмотренным с точки зрения понимания рациональности в вопросах истины, рациональных практик и этических предпочтений. Свой труд он начинает с формулировки своего главного тезиса: всю человеческую жизнь всегда пронизывало одно затруднение – оппозиция между объективизмом и релятивизмом, – которое выражается в самых различных формах стандартных противопоставлений, таких как рациональность и иррациональность, объективность и субъективность, реализм и антиреализм [Ibid. P. 1]. Однако существует множество признаков искусственности этого противостояния, и существует необходимость выйти за рамки объективизма и релятивизма. Своей целью Бернштейн видит установление причин возникновения указанных оппозиций и стремится показать, почему в современном мире все чаще

происходят процессы, направленные на их устранение, сопровождающиеся возникновением новых направлений в философии. Знаменательно, что аналогичные мысли, но в более резкой и прямолинейной форме манифеста неопрагматизма как антифундаментализма выразит, Р. Рорти в 1996 г., с критической позиции, как и Бернштейн, оценивая указанные базовые термины и подчеркивая их неправомерность [12].

Бернштейн полагает, что множество философских дебатов и споров, существовавших в истории философии, по сути, имеют одну цель: «определить природу и сферу человеческой рациональности» [11. Р. 2]. Современные дискуссии вывели представление о рациональности на другой уровень, одинаково важный как для теоретической, так и для практической жизни. Рациональность теперь понимается как истинный, живой «разговор», в котором всегда есть непредсказуемость и новизна, расширенный и открытый диалог, создающий основу межсубъектных соглашений [Ibid.]. Из указанного утверждения ясно, что рациональность в концепции Бернштейна мыслится как коммуникативная, что вполне соответствует как прагматистским установкам, так и принципам риторического поворота.

Бернштейн понимает концепции релятивизма и объективизма как противоположные и несовместимые, при этом сами эти термины трактуются им как неправомерные [7. Р. 220]. Он анализирует привычное определение объективизма, которое указывало на существование мира метафизической объективной реальности, существующей независимо от человека, и подразумевало метафизическое или эпистемическое различие между субъектом и объектом. Взамен он предлагает свое: «...базовое убеждение в том, что есть или должен быть некоторый постоянный исторический матрикс, к которому мы можем, безусловно, обращаться в определении природы рациональности, знания, истины, реальности, блага или правильности» [11. Р. 8, 71]. Термины, которые использует Бернштейн, как он сам отмечает, отличаются от общепринятых. В частности, определенный таким образом объективизм тесно связан с фундаментализмом. «Объективист утверждает, что если мы не можем строго сформулировать философию, знание или язык, мы не сможем избежать радикального скептицизма» [Ibid. Р. 8].

Релятивист, в определении Бернштейна, будучи антагонистом объективиста, отрицает позитивный характер объективизма. «В самой сильной форме релятивизм является базовым убеждением в том, что, когда мы обращаемся к рассмотрению тех концепций, которые философы считали наиболее фундаментальными, — будь то концепция рациональности, истины, реальности, права, добра или норм, — мы вынуждены признать, что в конечном итоге все такие понятия должны пониматься относительно конкретной концептуальной схемы, теоретического основания, парадигмы, формы жизни, общества или культуры. Поскольку релятивист верит, что существует (или может быть) нередуцируемое множество таких концептуальных схем, он или она бросает вызов утверждению, что эти концепции могут иметь определенное и однозначное значение. Для релятивиста нет существенной всеобъемлющей структуры или единого метаязыка, посредством которых мы можем рационально выносить решения или однозначно оценивать конкурирующие установки альтернативных парадигм» [Ibid.]. Вопрос о критериях, или стандартах, рациональности для релятивиста всегда является проблемным, поскольку он не

может избежать затруднений, связанных с представлениями о «наших» и «их» стандартах рациональности – они всегда радикально несоизмеримы. Эту свою интуицию Бернстайн подкрепляет глубокими и развернутыми отсылками к классикам проблемы несоизмеримости Т. Куну и П. Фейерабенду, в целом соотносит их позиции с идеями ведущих философов науки, таких как Поппер, Лакатос, Тулмин, Лаудан [11. Р. 19–24], и фактически продолжает линию так называемого аналитического прагматизма, суть которой выплывала в многолетних жарких дебатах Рорти и Патнэма. Как итог, Бернстайн заключает, что даже если нечто обозначено словами «стандарты рациональности», это еще не значит, что эти «стандарты» действительно универсальны и не изменяются со временем или в соответствии с теми требованиями, которые накладывают на них исторические эпохи или культуры. Важным разделом его труда является подробный анализ «альтернативной» оценки науки с точки зрения аналитической традиции, которая дается герменевтической философией, в частности Гадамером, и этому вопросу посвящено несколько разделов книги [Ibid. Р. 30–43].

По мнению Бернстайна, должное понимание релятивизма происходит не только в противопоставлении объективизму, но и в различении его с субъективизмом. «Релятивист не должен быть субъективистом, а субъективист не обязательно является релятивистом» [Ibid. Р. 11]. Поскольку релятивист рассуждает всегда в привязке к конкретной концептуальной схеме, социальным практикам или исторической эпохе, тем самым он настаивает на отсутствии универсальных стандартов, однако из этого еще не следует, что его концепции исключительно субъективны – они могут разделяться всеми членами данной культуры, общества, носителями концептуальной схемы, представителями одной исторической эпохи и т.д.

Бернстайн объясняет, почему из множества вариантов возможных оппозиций он выбирает только противостояние релятивизма и объективизма, а не, к примеру, абсолютизма. Здесь он руководствовался принципом актуальности концепций и критерием их использования в «живых» дискуссиях. Абсолютистские дискуссии уже ушли в историю и не принадлежат современному дискурсу. То же самое случилось с субъективизмом – он больше не является «живой» формой философского диалога [Ibid.].

Объективность, понятая согласно приведенному выше определению, исключает любые указания на человеческую субъективность, историчность или социальность. Данная ситуация является неприемлемой для Бернстайна-прагматиста, поскольку она не только невозможна, но и искажает то, каким образом мы вообще приходим к пониманию объективного. Такое понимание объективного Бернстайн называет «химическим» и считает, что оно восходит к некоторым интерпретациям Декарта, которые он называет «картезианской тревогой» (Cartesian anxiety) [Ibid. Р. 16–19]. Картезианский подход, соответствующий эпохе модерна с его строгой научной объективностью, следует подвергнуть сомнению, разоблачению и освободиться от его соблазнительной привлекательности [Ibid. Р. 19]. «Только если мы неявно примем некоторую версию картезианства, исключительная дизъюнкция объективизма или релятивизма станет понятной. Но если мы подвергаем сомнению, разоблачаем и изгоняем картезианство, то само противопоставление объективизма и релятивизма теряет свою правдоподобность» [Ibid.]. За термином

«картезианская тревога» скрывается опасение, что в случае отказа от объективизма существует только одна реальная альтернатива – релятивизм, какой бы ярлык на нее не навешивали, будь то субъективизм или даже историзм, который для историцистов означает максимальную объективацию истории, приближение к ситуации того, «как оно было на самом деле», тогда как для релятивистов выражает зависимость событий от исторической эпохи и конкретного этапа развития общества в его потоке истории [11. Р. 15, 91]. Эта точка зрения согласуется с тем, что утверждал другой представитель «нового» неопрагматизма, Дж. Марголис, для которого понимание эмпирического мира как потока и представление о том, что любые концептуальные различия человеческих обществ, культур и прочего историчны, являются базовыми установками его неопрагматистской программы [13].

«Картезианская тревога» порождает ложную антиномию между объективностью, чья достоверность базируется на принципах естественных наук и подкрепляется неопозитивистской методологией науки, и методологическим релятивизмом, суть которого можно выразить афоризмом П. Фейерабенда «все возможно». Философия науки Куна или Фейерабенда исходит из понятия несоизмеримости, где оно применяется к парадигмам или научным теориям, относящимся к разным дисциплинарным областям. Бернштейн отмечает, что «тезис несоизмеримости был, наверно, воспринят как атака на объективизм», но, однако, не на объективность [11. Р. 91].

Согласно современной версии объективизма, должна существовать общедисциплинарная нейтральная эпистемическая основа, которая позволила бы рационально оценивать конкурирующие теории и парадигмы, или набор правил, которые могут стать известны философу или эпистемологу, и на их основании можно достичь разумного согласия в отношении решения проблем в точках, где исходные установки научного поиска выглядят конфликтующими. Согласно релятивистской установке, сформулированной Бернштейном, «не существует более высокой инстанции, чем данная концептуальная схема (*conceptual scheme*), языковая игра, набор социальных практик или исторических эпох... не существует независимого всеобъемлющего концептуального каркаса (*framework*), в котором радикально различные и альтернативные схемы были бы соизмеримы» [Ibid. Р. 10–11].

Однако то, что понимается под тезисом несоизмеримости, пишет Бернштейн, цитируя известный афоризм К. Поппера, «не имеет никакого отношения к релятивизму или, по крайней мере, к той форме релятивизма, который утверждает, что не может быть рационального сравнения между множеством теорий, парадигм и языковых игр, – что мы узники, запертые в наших собственных концептуальных схемах, и не можем выбраться из них» [Ibid. Р. 92]. Несоизмеримость, как она понимается в методологическом релятивизме, – это разъяснение того, что именно мы делаем, когда все-таки сравниваем парадигмы, теории, языковые игры. Более того, мы можем сравнивать их несколькими способами, оценивать потери или выгоды от отказа или признания той или иной теории и даже можем наблюдать как некоторые наши стандарты конфликтуют друг с другом.

Соответственно, предлагая такую форму релятивизма, Бернштейн выводит весь дискурс за пределы объективизма и релятивизма, настаивая, что существуют разнообразные элементы, которые следует принимать в расчет в

любом исследовании: фаллибилистские, контекстуалистские, практические или нормативные измерения научного исследования, понимающиеся как практическое осуществление теоретических требований. Кроме того, хорошо видно, что основные маркеры «нового» прагматизма – антифундаментализм как одна из форм релятивизма и пути его реабилитации, плюрализм и коммуницирующее, практически реализующее себя и оценивающее последствия своих действий сообщество – формируются Бернштейном уже 80-е гг. XX в. в продуктивных дискуссиях с континентальной философией.

Литература

1. Райерсон Дж. Поиск неопределенности: прагматическое паломничество Ричарда Рорти // Целищев В.В. Философский переписчик : переводы и размышления. Новосибирск : Омега Пресс, 2014. С. 428–446.
2. Целищев В.В. Перед тем, как Рорти я прочел... // Целищев В.В. Философский переписчик: переводы и размышления. Новосибирск : Омега Пресс, 2014. С. 447–450.
3. Margolis J. Introduction: Pragmatism, Retrospective, and Prospective // A Companion to Pragmatism / ed. by J.R. Shook, J. Margolis. Malden, Oxford, Carlton : Blackwell Publishing, 2006. P. 1–10.
4. Вольф М.Н., Косарев А.В. Концепция прагматистского поворота Р. Бернштейна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 153–163.
5. *The Pragmatic Century*. Conversation with Richard J. Bernstein / ed. by Sh.G. Danavey, W.G. Frisina. Albany : State University of New York Press, 2006. 240 p.
6. Bernstein R. The Pragmatic Turn. Cambridge : Polity Press, 2010. 263 p.
7. Hogan B. Bernstein, Richard Jacob // The Dictionary of Modern American Philosophers : in 4 vols. / gen. ed. J.R. Shook. Bristol : Thoemmes Continuum, 2005. P. 217–223. Vol. 1. A–C.
8. Bernstein R. John Dewey. New York : Washington Square Press, 1966. 213 p.
9. Bernstein R. Praxis and Action. Contemporary philosophies of human activity. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1999. 344 p.
10. Bernstein R. The Restructuring of Social and Political Theory. New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1976 ; Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1978. xxiv, 286 p.
11. Bernstein R. Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1983. 320 p.
12. Rorty R. Relativism: Finding and Making // Debating the Stage of Philosophy: Habermas, Rorty and Kolakowski / J. Niznik, J.T. Sanders, eds. London : Praeger, 1996. P. 31–47.
13. Косарев А.В., Вольф М.Н. Неопрагматизм Джозефа Марголиса // Идеи и идеалы. 2017. № 2 (32). Т. 2. С. 3–16.

Andrey V. Kosarev, Institute of Philosophy and Law Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: andrkw@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 118–126.

DOI: 10.17223/1998863X/55/13

THE SECOND PERIOD OF RICHARD BERNSTEIN'S WORK AS CRITICAL NEOPRAGMATISM

Keywords: neopragmatism; Richard Bernstein; objectivism; relativism; anti-foundationalism.

Modern American philosophy is unthinkable without pragmatic tendencies, and it is definitely determined by them. The new period of the flourishing of pragmatism in the second half of the 20th century associated with the name of Richard Rorty, who managed to find a solution on how to combine continental and analytic traditions of philosophy, which led to the revival of pragmatism. Richard Bernstein belongs to contemporary neopragmatism, whose representatives are Rorty's direct successors. The assessment of Bernstein's "new" neopragmatism allows understanding the mechanism of the evolution and development of conceptual schemas of two contradictory analytic and continental discourses. According to Bernstein, it makes no sense to diverse analytic or continental traditions in

philosophy and also to speak separately about pragmatism, since all three philosophical directions deal with general pragmatist themes that characterize the “pragmatist turn”. Bernstein devoted the initial period of his philosophical career to the study of classical pragmatism. In the second period of his work, Bernstein actualizes the issues of understanding the role and place of pragmatism in philosophy, which will have a significant impact on the subsequent development of the whole direction. During this period, Bernstein addresses the key concepts of pragmatist doctrines and discussions – objectivism and relativism, considered in terms of understanding rationality in matters of truth, rational practices and ethical preferences. In all the works of this period, Bernstein uses a critical approach, borrowed from the continental critical theory. Bernstein defines rationality through communication, which is fully consistent with both pragmatist attitudes and the principles of the rhetorical turn. He concludes that even with some “standards of rationality”, they are not universal and can change over time or in accordance with the requirements imposed by historical periods or cultures. Bernstein believes that a proper understanding of relativism occurs not only in opposition to objectivism, but also in distinguishing it from subjectivism. Bernstein shows that the concepts of relativism and objectivism are meaningful only from within the Cartesian tradition of modernism, and if the so-called Cartesian anxiety as a kind of fear of relativism is eliminated, it is possible to bring the entire philosophical discourse beyond the limits of objectivism and relativism. It is concluded that Bernstein’s views in the second period of his work and the main markers of neopragmatism (anti-foundationalism, pluralism and communicate community) are formed in a critical discussion with the ideas of leading philosophers of science, with continental philosophy, and finally with Rorty. On this basis, this period of his work is qualified as critical neopragmatism.

References

1. Ryerson, J. (2014) Poisk neopredelennosti: pragmaticheskoe palomnichestvo Richarda Rorti [The Quest for Uncertainty Richard Rorty's pragmatic pilgrimage]. In: Tselishchev, V.V. *Filosofskiy perepischik: perevody i razmyshleniya* [Philosophical scribe: translations and reflections]. Novosibirsk: Omega Press. pp. 428–446.
2. Tselishchev, V.V. (2014) *Filosofskiy perepischik: perevody i razmyshleniya* [Philosophical scribe: translations and reflections]. Novosibirsk: Omega Press. pp. 447–450.
3. Margolis, J. (2006) Introduction: Pragmatism, Retrospective, and Prospective. In: Shook, J.R. & Margolis, J. (eds) *A Companion to Pragmatism*. Malden, Oxford, Carlton: Blackwell Publishing. pp. 1–10.
4. Volf, M.N. & Kosarev, A.V. (2017) Bernstein’s Concept of The Pragmatic turn. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 40. pp. 153–163. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/40/15
5. Danavey, Sh.G. & Frisina, W.G. (eds) (2006) *The Pragmatic Century. Conversation with Richard J. Bernstein*. Albany: State University of New York Press.
6. Bernstein, R. (2010) *The Pragmatic Turn*. Cambridge: Polity Press.
7. Hogan, B. (2005) Bernstein, Richard Jacob. In: Shook, J.R. (ed.) *The Dictionary of Modern American Philosophers*. Vol. 1. Bristol: Thoemmes Continuum. pp. 217–223.
8. Bernstein, R. (1966) *John Dewey*. New York: Washington Square Press.
9. Bernstein, R. (1999) *Praxis and Action. Contemporary philosophies of human activity*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
10. Bernstein, R. (1978) *The Restructuring of Social and Political Theory*. New York: Harcourt Brace Jovanovich; Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
11. Bernstein, R. (1983) *Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
12. Rorty, R. (1996) Relativism: Finding and Making. In: Niznik, J. & Sanders, J.T. (eds) *Debating the Stage of Philosophy: Habermas, Rorty and Kolakowski*. London: Praeger. pp. 31–47.
13. Kosarev, A.V. & Volf, M.N. (2017) Joseph Margolis’s Neo-Pragmatism. *Idei i ideally – Ideas and Ideals*. 2(32). pp. 3–16. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2-2-3-16